

Контекст

ГЕЙДАР АЛИЕВ - 100

Гейдар Алиев спас нас всех от большой беды

Беседа Эльмиры Ахундовой с Ибрагимом Иса оглу Исмаиловым - доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Азербайджана, государственным советником юстиции 3-го класса (с 1980 по 1986 годы - председатель Верховного суда республики).

Бакинчанина меня комиссали, так как в детстве я болел малярией и у меня была увеличена селезенка.

В начале 1940 года я поступил на работу в суд города Нахчыван делопроизводителем с окладом в сто семьдесят рублей. Через некоторое время прокурор республики пригласил меня работать у них секретарем, положив оклад уже в двести двадцать рублей. Летом 40-го года Нахчыванский военкомат организовал велопробег по пограничным районам. Это проходило как подготовка к службе в армии. Мы совершили 690-километровый велопробег Нахчыван - Баку. В столице нас задержали, так как мы должны были участвовать в августовском параде физкультурников, который принимал сам Багиров. Мне и дата этого парада в память врезалась - 12 августа. Парад проходил на площади, где сейчас расположен Союз писателей, перед сквером по улице Гагани. Это уже после войны парады стали проводить на площади у Дома правительства, а в те годы там размещалась кинофабрика и стояли съемочные павильоны.

После парада нас отпустили и велели прийти на вокзал к двум часам дня. Я отправился навещать дядю. Но, оказывается, был еще один, утренний, поезд. Мои товарищи продали меня на перроне, не дождалась и сели в поезд. Прихожу я на вокзал к двум часам, а никого нет, ребята уехали и вместе с ними мои документы и командировочные, которые были у руководителя группы. Хожу по перрону, думаю, как теперь до дома добраться - Нахчыван ведь пограничная, туда без паспорта не пускали. И вдруг встречается Гейдар с младшим братом Джадалом (здесь, по мнению Асия Алиева, Ибрагим муаллим допустил неточность, и рядом с братом в тот день на перроне в Баку стоял он. А Джадал встречал их уже в Нахчыване).

Мы обнялись, поцеловались. - Что ты здесь делаешь? - спрашивает Гейдар.
Я рассказал ему, что со мной приключилось.
- Ничего, - сказал он, - у нас есть два билета, мы возьмем тебя с собой.
- Откуда у тебя эти билеты? - удивился я.
- Это долгая и грустная история, - ответил он.

В общем, оказалось, что Гейдар взял в институте длительную отсрочку и решил вернуться на родину. Он ведь в Баку жил на квартире у старшего брата, Гасана Алиева. Жена Гасана Зяргялям ханым была очень своенравной женщиной. Первое время она терпела Гейдара, а потом они отчего-то не поладили. Гейдар мог бы переселиться в общежитие, но в то время прожить на одну стипендию было невозможно. К концу сорокового года начались перебои в снабжении и цены на продукты заметно подскочили.

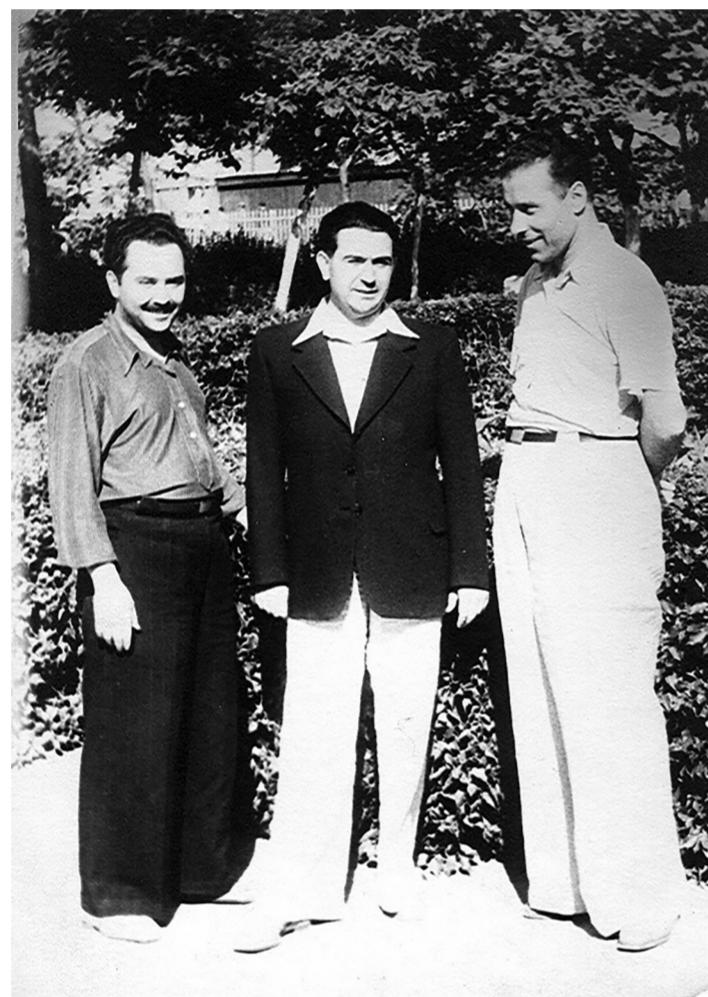
- Да и матери с отцом помочь надо, им одним тяжело младших поднимать. Они меня ждуть, - озабоченно делился со мной Гейдар. - Ничего, поработаю пару лет, братя школу закончат, а в институте я всегда смогу восстановиться.

(Продолжение. Начало в предыдущем номере)

Сели мы в поезд, поехали. Когда появлялись контролеры, я выходил из вагона и прятался от них, вися на подножке. Кое-как добрались до Нахчывана. А там нас задержали. У Гейдара прописка бакинская, у меня вообще никакого паспорта нет, Джадал тоже без документов.

Нас с Гейдаром посадили в КПЗ, а Джадала отпустили, приняв во внимание его возраст. Джадал, конечно, победил отцу, рассказал ему, что случилось. Ализра киши в то время работал в железнодорожном депо. Пришел он к начальнику милиции Агаеву и говорит:

- Это наши дети: вот этот -

Исмаил Касумов, Ибрагим Исмаилов и Гейдар Алиев, Баку, 1951 г.

мой сын, а это наш сосед. В общем, отпустили нас.

Я продолжал работать в прокуратуре, а Гейдар вскоре устроился литературным сотрудником в архивный отдел НКВД Нахчывана. Он занимался архивными материалами, которые надо было привести в порядок: редактировал, сортировал по годам, по тематике. Он был как бы заместителем директора архива. Я иногда заходил к нему на работу и видел, что с его мнением считаются, его уважают. К этому времени он уже прилично владел русским языком, умел грамотно писать, составлять документы, и это было очень важно, потому что вся документация в НКВД, так же как и у нас в прокуратуре, готовилась в основном на русском. И военкомат тоже использовал его в своей работе. В Нахчыване в то время вообще было очень мало образованных людей, поэтому такие люди были нарасхват. Перед войной и во время войны проходила паспортизация, все новые паспорта выдавали, помню, в Нахчыване их в основном Гейдар заполнял, потому что у него был красивый почерк.

Тогда же Гейдара начали использовать по линии госбезопасности. Он оставался в штате архива, но работал уже на органы, выполнял спецзадания, связанные с секретной частью архива, людей ведь в те времена очень тщательно проверяли. В НКВД его поставили на довольствие.

Они же и освободили его как ценного, перспективного сотрудника от службы в армии. В 1942 году, когда я пришел по призыву в военкомат, наш общий друг Исмаил Касумов, который работал в военкомате докладчиком, сказал мне, что Гейдар остается, его не призывают в армию, потому что у него есть бронь НКВД. Но тогда все это держалось под

секретом. Поэтому сплетни, которые распускали недоброжелатели о том, что Гейдар якобы представил в военкомат справку о болезни - туберкулезом - наглая ложь. Во-первых, кто дал бы ему такую справку? А, во-вторых, как его с подобным диагнозом приняли бы в органы и присвоили офицерское звание? Он же специальную медицинскую комиссию проходил на предмет профпригодности.

Он был очень ценным работником, КГБ его высоко ценил и очень быстро продвигал по служебной лестнице.

Так что, когда я вернулся из армии в феврале 1943 года, Гейдар

армии, в национальные легионы. После победы многие вернулись на родину. Мы этих людей проверяли. Если они в составе легиона воевали против наших войск - это уже преступление, тех, которые состояли в хозчасти и т.д., мы фильтровали, освобождали. Людей, бывших в плену, в лагерь, мы не трогали, занимались только теми, кто служил в немецких военных формированиях. Этими людьми занимался и КГБ. Поэтому до 1951 года мы с Гейдаром работали параллельно.

Э.А.: - Расскажите, пожалуйста, подробней о деятельности Алиева в тот период. В ряде источников утверждается, что он был резидентом то ли в Иране, то ли в Турции.

И.И.: - Он занимался и Ираном, и вообще восточными странами, потому что Нахчыван граничит с Ираном, Турцией и т.д. Сам Гейдар в Иран не ездил. Он принимал на границе наших разведчиков, среди которых были и завербованные нашей разведкой граждане той страны. Организовывались коридоры, проводились встречи с ними. Ни в Иране, ни в Турции он резидентом не был. Я это точно знаю, потому что один из наших родственников выполнял разведывательную работу в Турции. Гейдара там не было. Он был кадровым легальным работником КГБ, как он мог выполнять работу нелегала? В тех странах ведь знают, кто есть кто. В КГБ всегда были официальные работники и неофициальные, так называемые негласные, которых никто не знал в лицо. Официально такие люди работают, допустим, парикмахерами или мастерами по ремонту чего-то. Вот такие люди, не состоящие в официальных списках сотрудников органов, и занимают нелегальной разведывательной работой.

Поэтому засылать Гейдара куда-то на нелегальную работу было нельзя. Во время войны он выполнял весьма ответственные поручения. Ведь граница Нахчывана с Ираном и Турцией была в то время линией фронта, и он, как я уже говорил, принимал там наших разведчиков-негласов. Немцы в Иране держали очень разветвленную разведывательную сеть. Нахчыван мог стать местом, где немцы могли открыть еще один фронт, поэтому это имелось большое стратегическое значение и там максимально усилили аппарат госбезопасности.

Гейдар за добросовестную работу в тылу был награжден медалью, у него было множество орденов, в годы войны он сыграл большую роль в поимке в Нахчыване опасного шпиона, за что получил награду. Гейдар был на хорошем счету как ценный работник.

В 1946 году Мир Джафар Багиров приехал в Нахчыван, Гейдар Алиев готовил документы к его приезду. В то время допускались различные отклонения от линии партии, по организации сельскохозяйственного производства, и в связи с этим возник интересней вопрос. Тогда давали приусадебные участки, потому что после войны было тяжело, голодно. Каждая организация имела свой участок земли. Нам, нахчыванской прокуратуре, дали участок в Советбаде. Мне как председателю месткома поручили организовать там приусадебный участок. Машин тогда почти не было, зато у нас было 6 лошадей. Следователи на лошадях ездил на место преступления. Мы посадили ячмень для того, чтобы прокормить этих лошадей. А Багирову донесли, что это мы для себя, чтобы свой хлеб иметь: тогда запрещено было са-

жать злаковые, можно было сажать и выращивать только бахчевые культуры, овощи и фрукты. Он дал указание лишить руководителя прокуратуры, в том числе и меня как помощника прокурора, хлебных карточек на 3 месяца. Гейдар Алиев, помню, долго еще надо мной посмеивался: ты, мол, для лошадей старался, а в результате лишился хлебных карточек. Этим мне запомнился приезд Багирова.

Все справки о положении дел в КГБ, о настроениях среди населения после войны (это было очень актуальным) составлял для Центра Гейдар Алиев. Он, можно сказать, набил на этом руку, что помогало ему в последующем в работе с документами.

Хотя он работал простым оперработником, он очень грамотно писал справки, и руководитель Комитета всегда пользовался его услугами. Помню, что к нему относились более уважительно, чем к остальным сотрудникам КГБ.

Э.А.: - Если Алиев работал по Ирану, Турции, то он должен был знать языки?

И.И.: - Он знал азербайджанский, и этого хватало для работы, потому что в Иране работала в основном среди азербайджанцев, а турецкий язык специально учить не было необходимости - он ведь очень близок к азербайджанскому.

Э.А.: - А когда он стал изучать русский язык? В 1948-1950 годах он уже неплохо знал русский язык.

И.И.: - У нас в педагогическом техникуме в Нахчыване был педагог Абдулазим бек. Это был очень сильный педагог, по-

- Мы арестовали его за совершенное преступление.
- Надо пересмотреть его дело.
- Мы передали дело в суд, говорю я, - суд сам все решит. Винават - судят, не винават - освободят.
У нас появилось одно очень серьезное уголовное дело. В то время соль с соляных рудников Нахчывана считалась стратегическим сырьем. Учет ее велся очень тщательно. Во время войны украинские соляные рудники оказались на оккупированной территории, поэтому Нахчыван обеспечивал потребности военной промышленности, ведь в составе пороха 30-40% каменной соли. И когда ревизоры Министерства пищевой промышленности начали проверять соляные рудники, обнаружилось, что директор рудника Мамедов продает соль армянам вне разнарядки. В Армении функционировал завод по производству автопокрышек. А для производства синтетической резины надо очень много соли. Оказалось, что он продал армянам 29 тысяч тонн соли безо всяких документов, а деньги присвоил.

Возбудили уголовное дело, которое было поручено вести

- Ничего он не сделает, - ответил Фараджев.
Видя, что я не выполнил его требования, Юсифов решил расправиться со мной и специальным для этого созвал партийный актив. На активе были и Гейдар, и Фараджев, и Рзакули, двоюродный брат Гейдара, племянник матери, он тоже работал в КГБ, начальником другого отделения, и материально поддерживал их семью. Гейдар очень любил его и называл «дядей».

На активе подняли мой вопрос. Гейдар сидел за мной и все время тихо шептал мне: - Держись, не волнуйся.
Слово взял председатель совета Алиев.

- Товарищ Юсифов, - сказал он, - вы даете нам партийные поручения, и мы готовы их исполнять. А вот некоторые товарищи нам мешают в этом. В частности, речь идет об Исмаилове. Например, мы за неуплату налогов опекались шехом по производству карамели. Он их распечатывал. Мы прекратили туда подачу воды. Он вмешался, заставил нас пустить воду. Мы должны избиваться от таких людей.
Явно, что это было заранее подготовленное выступление.

Возбудили уголовное дело, которое было поручено вести

ва люди начали покидать заседание. Они-то меня знали. Тем более что и Гейдар провел среди нашей определенной работу. Ведь Фараджев как член Бюро знал, в чем дело, так что члены актива и с нашей стороны были подготовлены.

Утром Гейдар мне звонит и сообщает:

- Юсифов уехал в Баку, чтобы там поставить твой вопрос. Держись, раз уж мы начали, надо доводить дело до конца.

В Баку Юсифов пришел на прием к Багирову. Стал жаловаться на меня:

- Молодой парень, безобразничает. Не признает партию, нарушает партийную дисциплину. Багиров позвонил председателю КГБ Емельянову.

- Николай Федорович, выясните, в чем там дело. Какой-то молодой парень, Исмаилов, мы его знаем, недавно утвердили заместителем прокурора. А говорят, он мешает работать. Проверьте, что там происходит.

Емельянов позвонил в свою очередь Фараджеву. Гейдару поручили подготовить об этом деле справку, ВЧграмму на имя Емельянова. Он подробно и объективно изложил в ней все обстоятельства дела. Его справка и решила наш спор.

На следующий день Багиров вызвал Юсифова.

- Ты почему обманываешь меня? Оказываешь, это ты - жулик! Что я теперь скажу товарищу Сталину? Мы тебя всего три месяца назад назначили в Нахчыван первым секретарем, а ты уже начал брать взятки! Это тебя мы должны выгнать с работы, а не Исмаилова. Он-то, наоборот, ни в чем не виноват, а добросовестно выполнял порученную ему работу.

Короче, Багиров отругал его и отправил обратно. А через два дня я получил телеграмму: «Сдайте дела и выезжайте в Баку». Я позвонил Гейдару.

- Гейдар, в чем дело?

- По моим данным, тебя выдвигают, - говорит он. - Ты пока никому не говори, но тебя собираются выдвинуть на большую работу.

Приехал в Баку, явился к прокурору республики и, помня, что нападение - лучший способ защиты, говорю прокурору:

- Что же вы жуликов поддерживаете, а честных людей отзываете?

- Товарищ Багиров дал указание поручить тебе самую ответственную работу в прокуратуре республики. Ты проявил высокую принципиальность, а он любит принципиальных работников. Так что мы по его указанию назначили тебя начальником следственного отдела.

В то время были не управления, а отделы. В этом отделе работали сорок человек. А мне то было всего двадцать шесть лет. Для моего возраста это было большое повышение. Так я в 1948 году переехал работать в Баку. К тому времени я успел заочно окончить юридический факультет Бакинского филиала Московского университета.

Э.А.: - Давайте задержимся на молодых годах. Вы продолжали дружить, Гейдар Алиев стал вам даже опорой в трудную минуту. Шутка ли: пойти против самого первого секретаря обкома! Могли ведь оба погореть. Вы говорили, что его оценили с самого начала, еще в Нахчыване. Чем он так выделялся среди других?

И.И.: - Он очень любил своих земляков и всегда старался помочь людям, которые попадали к ним за незначительные проступки. Гейдар не был жестоким человеком, поэтому в Нахчыване он пользовался огромным авторитетом. Обычно сотрудники КГБ не любили. А к нему относились очень уважительно. С ним считались, советовались. Например, мой отец, да и другие пожилые люди ходили к нему советовать.

(Продолжение следует)

Школа КГБ, 1950 г., Гейдар Алиев (второй справа в переднем ряду)

этому и преподавание русского языка было хорошо поставлено. Гейдар начал изучать русский язык в техникуме. Я помню, как-то Абдулазим бек сказал мне:

- Видишь, как Гейдар хорошо знает русский язык.
Абдулазим муаллим научил Гейдара очень хорошо говорить на русском. И к тому времени, когда Гейдар поступил в АЗИИ, он владел русским языком, хотя в институте он, кажется, учился в азербайджанском секторе. А в КГБ уже он говорил на русском, потому что вся документация там была на русском, и все допросы он проводил на русском, даже в Нахчыване.

Э.А.: - Расскажите, пожалуйста, о каких-нибудь интересных делах того времени, в которых принимал участие и Гейдар Алиев.

И.И.: - Был такой случай. В 1947 году к нам назначили нового первого секретаря обкома Юсифа Юсифова. Прокурор республики в то время работал начальником 2-го отделения Комитета. В центральном аппарате КГБ были отделы, а в Нахчыване - отделения.

Пошли мы к Фараджеву. Ему тоже рассказывал эту историю.
- Держись и не сдавайся, - сказал он. - Мы тебя поддержим.
- Он грозит исключить меня из партии, - говорю я.

нам. Мы арестовали этого Мамедова, его бухгалтера и т.д. Там проходила целая группа.

В один прекрасный день звонит мне первый секретарь обкома и требует, чтобы я освободил Мамедова.

- Товарищ Юсифов, - говорю я, - Мамедов совершил хищение в особо крупных размерах. Я не имею права освободить его. Тогда я сам сяду вместо него на скамью подсудимых.

- Ничего не знаю! Чтобы завтра же он был на свободе!
Я позвонил Гейдару и говорю:
- Гейдар, я хочу с тобой встретиться, поговорить. Очень серьезный вопрос. Только не в вашем ведомстве, а где-нибудь в другом месте.

Встретились, я ему рассказал всю эту историю.
- Давай пойдем к Фараджеву, - говорит он.
Фараджев был министром госбезопасности Нахчывана, а Гейдар в то время работал начальником 2-го отделения Комитета. В центральном аппарате КГБ были отделы, а в Нахчыване - отделения.

Пошли мы к Фараджеву. Ему тоже рассказывал эту историю.
- Держись и не сдавайся, - сказал он. - Мы тебя поддержим.
- Он грозит исключить меня из партии, - говорю я.

А Гейдар все время тянет меня за пиджак: «Ты сиди, не рыпайся». После этого выступления встал сам Юсифов.

- Кто он такой, этот Исмаилов? Откуда он взялся?! Мы исходим из его партии. Я лишь его мандата и выгоню из актива!

Все было ясно: он получил взятку, потребовал, чтобы я освободил Мамедова, а я не освобождаю. Подчиненный должен быть покладлив, исполнять приказы начальства, а я сопротивляюсь, проявляю строптивость.

Его выступление подняло волну возмущения. Актив зашумел. Поднялся председатель колхоза из села Гарабагар, знаменитый Али киши Мадагов.
- Товарищ Юсифов, - сказал он, - мы хорошо знаем Исмаилова, он фронтовик, честный человек и никогда не пойдет против своей совести. За что вы ополчились на него? Ведь он работает не первый год, мы присмотрелись к нему, областной актив знает его как порядочного человека.

- Садитесь, не мешайте нам! - закрыл Юсифов.
Тогда поднялся председатель другого колхоза из села Махта - Мамед Салах. Он тоже выступил в мою поддержку.
И актив разстроился. Возмущенные поведением Юсифо-